

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРОЛОГИИ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ

Куда исчез архив Достоевского 1840-х годов?*

В. Н. ЗАХАРОВ

(ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В рукописном собрании Ф. М. Достоевского есть немало лакун. Они вызваны разными причинами: арестом и приговором по делу Петрашевского в 1849 г., возвращением из Сибири в Тверь и Санкт-Петербург (1859), отъездом, четырехлетними скитаниями по Европе и возвращением в Россию (1867–1871), позже утратой рукописей романов «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы» в годы Гражданской войны (1918–1921).

В статье рассматриваются обстоятельства исчезновения рукописей Достоевского 1840-х годов. Считается, что они пропали во время следствия по делу революционного кружка Петрашевского. Критический анализ документов и мемуаров позволяет опровергнуть это ошибочное суждение.

При аресте Достоевского, по его словам, «немного нашли». У некоторых петрашевцев книги и документы вывозили мешками и телегами. От Достоевского унесли один «тюк», т. е. небольшую связку книг и бумаг. Во всех материалах следствия упоминаются лишь три документа и две запрещенные книги, изъятые у Достоевского: записка Белинского, письмо Плещеева, указ об отставке, книги на французском языке. Жандармы не вывозили архив Достоевского в Петропавловскую крепость.

Куда же исчезли ранние драмы Достоевского «Мария Стюарт», «Борис Годунов», «Жид Янкель», незавершенные переводы, наброски, черновые и беловые редакции опубликованных и неопубликованных сочинений, его переписка с родственниками, литераторами и друзьями? Мемуары А. П. Милюкова и С. Д. Яновского дают однозначный ответ на этот вопрос. Архив сгорел: 23 апреля 1849 г. его в панике сжег Михаил Достоевский, который уничтожил свое собрание документов и, обходя друзей и знакомых, уничтожал все обнаруженные им документы, письма, рукописи не только Федора Достоевского, но и его окружения.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, М. В. Петрашевский, революционное движение в России, тайное общество, следствие, русская литература, рукописи, архивы Достоевского.

От архива Ф. М. Достоевского 1840-х годов мало что осталось. О нем известно лишь то, о чем сам автор рассказал в письмах брату, что вспомнили современники: ранние драмы «Мария Стюарт», «Борис Годунов», «Жид Янкель», незавершенные переводы, наброски, черновые и беловые редакции опубликованных и неопублико-

* Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2014 гг.

The article was prepared within the framework of the Strategic Development Program of Petrozavodsk State University, 2012–2014.

ванных сочинений (например, «Сбритые бакенбарды»), переписка с родственниками, литераторами и друзьями.

То, что сохранилось, уцелело случайно: частично дошла переписка, из художественных произведений — лишь корректурные гранки фрагмента второй главы романа «Неточка Незванова» и автограф начала рассказа «Домовой» из цикла «Рассказы бывалого человека», подаренный самим писателем неустановленному коллекционеру в конце 1840-х годов.

Судьба пропавшего архива волновала многих. Что-то пробовал разыскать сам Достоевский после возвращения из Сибири. Искала Анна Григорьевна, но нашла главным образом официальные документы по учебе в Инженерном училище, по делу Петрашевского, по Омской каторге и службе в Семипалатинске. Во многих случаях ей удалось снять рукописные копии, иногда ей отдавали оригиналы. Безуспешно поисками пропавшего архива занимались исследователи, среди которых сложилось мнение, что архив Достоевского исчез «в недрах Третьего отделения» (Чулков, 1939: 7; Описание рукописей Ф. М. Достоевского, 1957: 3–4; Красовский, 1985: 299; Волгин, 1996: 225).

Пресловутые «недра Третьего отделения» стали общим местом, куда отсылали всех в поисках пропавших рукописей.

Так что же случилось с архивом Достоевского?

23 апреля 1849 г. Достоевский был арестован по «делу Петрашевского». В предписании жандармскому майору Чудинову сказано: «По высочайшему повелению предписываю Вашему высокоородию завтра в 4 часа по полуночи, арестовать отставного инженер поручика и литератора *Федора Михайловича Достоевского*, живущего на углу Малой Морской и Вознесенского проспекта, в доме Шиля, в 3-м этаже, в квартире Бремера, опечатать все его бумаги и книги, и оные, вместе с *Достоевским*, доставить в 3-е отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

При сем случае вы должны строго наблюдать, чтобы из бумаг *Достоевского* ничего не было скрыто.

(Случиться может, что вы найдете у *Достоевского* большое количество бумаг и книг, так, что будет не возможно сей час их доставить в 3-е отделение, в таком случае вы обязаны то и другое сложить в одной или в двух комнатах, смотря как укажет необходимость, и комнаты те запечатать, а самого *Достоевского* немедленно представить в 3-е отделение.

Ежели при опечатании бумаг и книг *Достоевского* он будет указывать, что некоторые из оных принадлежат другому, какому-либо лицу, то не обращать на таковое указание внимания и оные также опечатать.

При возлагаемом на вас поручении вы обязаны употребить наистрожайшую бдительность и осторожность, под личную вашу ответственность.

Г. Начальник штаба Корпуса Жандармов, Генерал-Лейтенант Дубельт, сделает распоряжение, чтобы при вас находились: Офицер С. Петербургской полиции и необходимое число жандармов.

Генерал-Адъютант Граф Орлов» (Бельчиков, 1971: 93–94).

Все предписания были составлены по шаблону, процедура ареста была одинакова для каждого: бумаги и книги опечатывали, доставляли в III отделение, далее их передавали в Особенную комиссию для разбора всех бумаг арестованных лиц (комиссию князя А. Ф. Голицына), результаты рассмотрения сообщали в Высочайше учрежденную Следственную комиссию под председательством генерал-адъютанта А. И. Набокова и в Третье отделение Л. В. Дубельту и А. Ф. Орлову.

О том, что происходило в ночь на 23 апреля 1849 г., Достоевский рассказал 24 мая 1860 г., спустя одиннадцать лет. Припоминая юмористические подробности ареста, недавний каторжник записал в альбом О. А. Милюковой, дочери товарища юности, как заснул, как разбудили его, как обыскивали комнату:

«Пока я одевался, они потребовали все книги и стали рыться; не много нашли, но все перерыли. Бумаги и письма мои аккуратно связали веревочкой. Пристав обнаружил при этом много предусмотрительности: он полез в печку и пошарил моим чубуком в старой золе. Жандармский унтер-офицер по его приглашению стал на стул и полез на печь, но оборвался с карниза и громко упал на стул, а потом со стулом на пол. Тогда прозорливые господа убедились, что на печи ничего не было.

На столе лежал пятиалтынный, старый и согнутый. Пристав внимательно разглядывал его и наконец кивнул подполковнику.

— Уж не фальшивый ли? — спросил я...

— Гм... Это однако же надо исследовать... — бормотал пристав и кончил тем, что присоединил и его к делу.

Мы вышли. Нас провожала испуганная хозяйка и человек ее Иван, хотя и очень испуганный, но глядевший с какою-то тупою торжественностью, приличною событию, впрочем, торжественностью не праздничною. У подъезда стояла карета; в карету сел солдат, я, пристав и <под>полковник; мы отправились на Фонтанку, к Цепному мосту у Летнего сада.

Там было много ходьбы и народу. Я встретил многих знакомых. Все были заспанные и молчаливые. Какой-то господин, статский, но в большом чине принимал... беспрерывно входили голубые господа с разными жертвами.

— Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! — сказал мне кто-то на ухо.

23 апреля был действительно Юрьев день» (Достоевский, 2003: 371–372).

На некоторые подробности обыска стоит обратить особое внимание:

«...не много нашли, но все перерыли. Бумаги и письма мои аккуратно связали веревочкой» (там же: 371).

Слова Достоевского подтверждаются многочисленными документами, находящимися в материалах Особенной комиссии для разбора всех бумаг арестованных лиц, Следственной комиссии, Военно-судной комиссии.

Расследование «дела Петрашевского» — сложный юридический процесс. Раскрыли заговор чиновники министерства внутренних дел (по поручению министра внутренних дел Л. А. Перовского наблюдение за «пятницами Петрашевского» вели чиновник по особым поручениям И. П. Липранди и его агент П. Д. Антонелли), арестовывали жандармы Л. В. Дубельта и полиция, «злоумышленников» держали в Петропавловской крепости, где под председательством коменданта крепости А. И. Набокова велось следствие, разбор изъятых во время ареста бумаг и книг производила специально учрежденная комиссия под председательством князя А. Ф. Голицына, все материалы Следственной комиссии были переданы в Военно-судную комиссию, исправляли утверждал приговор военного суда Император Николай I. Ключевую роль в расследовании дела играли главный начальник III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии и шеф жандармов граф А. Ф. Орлов, начальник штаба Корпуса жандармов и управляющий III отделением Л. В. Дубельт, члены Следственной комиссии Я. И. Ростовцев, князь П. П. Гагарин, князь В. А. Долгоруков.

Сложная конфигурация процесса вызвала значительный объем делопроизводства. Информация неоднократно повторялась, дополнялась, уточнялась в разного рода объяснениях, отчетах, справках, выписках и записках.

Несмотря на давнюю историографию, публикацию ряда материалов, специальные исследования, «дело Петрашевского» не изучено в полном объеме. Многие источники до сих пор остаются неопубликованными. Этим обстоятельством можно объяснить неполную хронологию и ошибки в недавней хронике жизни и творчества Достоевского за апрель — декабрь 1849 г. (Летопись жизни и творчества ... , 1993: 159–178), разного рода неточности в современных исследованиях.

Материалы следствия дают однозначный ответ, был ли изъят архив при аресте Достоевского. У некоторых петрашевцев книги и документы вывозили мешками и телегами. От Достоевского унесли лишь один «тюк», т. е. небольшую связку вещей (в данном случае книг и бумаг). Эта деталь отмечена во всех документах следствия, и в первую очередь в «Описи отдельным тюкам с бумагами и вещами, принадлежащими лицам, отправленным в С. Петербургскую крепость», в квитанции, выданной жандармскому поручику Степанову о доставлении в комиссию Голицына тринадцати тюков первых арестантов, заключенных в Алексеевский равелин, в том числе одного тюка Достоевского (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 24. 1 экс. 1849. 214. Ч. 3. Л. 4, 10).

23 апреля были арестованы два Достоевских: Федор и Андрей, который был взят вместо старшего брата Михаила. Лишь 2 мая следствие обнаружило ошибку, выдав предписание о его освобождении, а также об обыске и аресте Михаила Достоевского (Дубельт, 2005: 167, 168).

Бумаги Андрея Достоевского были рассмотрены на 6-м заседании Комиссии Голицына от 5 мая 1849 г., ничего предосудительного в них не нашли, и они были «препроложены к Генерал-Адъютанту Набокову» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 24. 1 экс. 1849. Ед. хр. 214. Ч. 141. Л. 8 об.). Одновременно были отданы поручения подполковнику корпуса жандармов Брянчанинову и действительному статскому советнику Липранди осмотреть квартиру Достоевского 2-го.

В ночь на 6 мая Михаил был арестован и доставлен в Следственную комиссию. В «Летописи» ошибочно указано, что его арест и допрос состоялись 7 мая (Летопись жизни и творчества ... , 1993: 164–165), но, судя по протоколу, его допросили утром сразу после ареста:

«Допрашивали:

Достоевского 2-го. Отставной прапорщик. Бывал у Петрашевского и уверяет, что собиравшись у него только для веселия. Но потом просил дозволения припомнить все обстоятельства и изложить их на бумаге» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 24. 1 экс. 1849. 214. Ч. 3. Л. 127 об.).

Вторым допрашивали Федора, но вряд ли тот узнал, кого допросили прежде него:

«Достоевский 1-й. Отставной инженер поручик. В начале допроса решительно отклонял всякую мысль о преступности собраний Петрашевского.

Потом сказал, что у них три раза был спор о литературе, что у Петрашевского на счет литературы взгляд безобразный; что он, Достоевский, читал письмо Белинского; что у Петрашевского рассуждали о фурьеризме, вели горячие споры за и против, но применения к России не было, и те, которые были против Фурье, остались победителями. Что Ястржембский читал о социализме. Вообще желал показать, что тут ничего не было преступного и ему предоставлено изложить, что знает, на бумаге» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 24. 1 экс. 1849. 214. Ч. 3. Л. 127 об. — 127 (номер страницы 127 ошибочно поставлен дважды. — В. 3.).

Факт допроса Михаила и Федора Достоевских именно 6 мая отмечен и в отчете Дубельта (Дубельт, 2005: 168).

Свои протоколы вела Комиссия по разбору бумаг. Какие бумаги Достоевского рассматривала комиссия?

На 14-м заседании от 14 мая третьим и четвертым вопросами было рассмотрение «части бумаг» Федора Достоевского, что с некоторыми разноречиями отмечено в протоколе: в третьем пункте он назван «отставным Поручиком», а в четвертом пункте он записан просто «Поручиком»; оба пункта повторяют друг друга (не описка ли?) (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 24. 1 экс. 1849. Ед. хр. 214. Ч. 141. Л. 16).

На следующем заседании 16 мая была «рассмотрена остальная часть бумаг Поручика *Достоевского*», вторым — что «препровождены к Генерал-Адъютанту Набокову найденные между бумагами *Достоевского* записка *Белинского*, письмо *Плещеева* и две книги» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 24. 1 экс. 1849. 214. Ч. 141. Л. 17).

Этим же числом датировано донесение князя А. Ф. Голицына, который секретно извещал И. А. Набокова о результатах рассмотрения бумаг и книг, изъятых у Достоевского:

«Милостивый Государь, Иван Александрович!

По рассмотрении бумаг Поручика *Достоевского* не оказалось в них ничего непосредственно относящегося к настоящему делу, но найдены: записка к нему от *Белинского*, заключающая в себе приглашение в собрание у одного лица, с которым он еще не знаком, и письмо из Москвы, писанное Плещеевым, в котором он упоминает о впечатлении, произведенном пребыванием Императорской Фамилии в Москве и поручает Достоевскому передать поклон тем лицам, кои прикосновенны к известному обществу. Эти бумаги и найденные еще у Достоевского две запрещенные книги под заглавиями: 1, *Le Berger de Kravan* и 2, *La celebration du dimanche* имею честь препроводить при сем к Вашему Высокопревосходительству, покорнейше прося принять уверение в совершенном моем почтении и преданности.

Подписал Князь *Александр Голицын*» (Бельчиков, 1971: 113).

Как следует из этого письма, из протоколов, справок и выписок, у Достоевского были изъяты записка Белинского, письмо Плещеева и две запрещенные книги «*Le Berger de Kravan*» и «*La celebration du Dimanche*». На следующий день к изъятым бумагам был присоединен указ об отставке поручика Достоевского, что отражено в протоколе 16-го заседания от 17 мая и в сопроводительном письме председателя комиссии А. Ф. Голицына генерал-адъютанту И. А. Набокову.

Запрещенные книги были взяты им у знакомых: книга Э. Сю «*Le Berger de Kravan ou entretiens socialistes et démocratiques: La République et les prétendants monarchiques*» («Пастух из Кравана, или Социалистические и демократические беседы о республике и претендентах на престол», 1848) — у Н. П. Григорьева, книга П. Ж. Прудона «*De la célébration du Dimanche*» («Празднование воскресенья», 1839) — у В. А. Головинского.

В письме брату Михаилу 22 декабря 1849 г. Достоевский подтвердил эти обстоятельства ареста, добавив к перечню еще одну «книгу»:

«У меня взяли при аресте несколько книг. Из них только две были запрещенные. Не достанешь ли ты для себя остальных? Но вот просьба: из этих книг одна была: *Сочинения Валериана Майкова*, его Критики — экземпляр Евгении Петровны. Она дала мне его как свою драгоценность. При аресте я просил жандармского офицера отдать ей эту книгу и дал ему адрес. Не знаю, возвратил ли он ей; справься об этом!

Я не хочу отнять у нее это воспоминание. Прощай, прощай, еще раз» (Достоевский, 2004: 114).

В протоколах Комиссии Голицына эта составленная из оттисков статей книга не значится. Ее отсутствие можно объяснить тем, что жандармский офицер, очевидно, выполнил просьбу арестанта.

Среди бумаг других петрашевцев встречается лишь один документ, исходящий от Достоевского и изъятый при аресте Спешнева. В протоколе Особой комиссии он описан так: «Письмо *Достоевского* — прибегает с просьбою о денежном пособии и упоминает об участии в Литературных занятиях у *Краевского*» (ГАРФ. Ф. 109. Секретный архив. Оп. 1. Ед. хр. 65. Л. 249).

Были ли другие бумаги? Они вполне могли бы быть, но их следов нет в обширном делопроизводстве по процессу.

Многое объясняет процедура рассмотрения изъятых при аресте книг и бумаг. Бумаги М. М. Достоевского были рассмотрены на 26-м заседании Особой комиссии от 28 мая. Не найдя в них ничего примечательного и относящегося к делу, комиссия отправила документы генерал-адъютанту Дубельту по описи:

- 1) Два патента на чины Прапорщика и Подпоручика 2
 - 2) Три Метрические свидетельства за №№ 21, 35 и 36 3
 - 3) Два документа на Немецком языке 1841 и 1847 годов за №№ 127 и 216, первый с переводом на обороте 2
 - 4) Указ об отставке за № 867 1
 - 5) Два предписания Инспектора Инженерного Корпуса, одно от 28-го Октября 1847, № 2266, другое от 19-го Января 1848 года, № 8 2
- (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 24. 1 экс. 1849. 214. Ч. 3. Л. 8).

Через два дня их вернули жене Э. Ф. Достоевской, о чем в следственном деле имеется расписка: «Документы мужа моего, отставного Подпоручика *Достоевского*, по предъявленной мне описи, я из 3-го Отделения Собственной Его Величества Канцелярии 31-го мая 1849 г. получила. Жена отставного Подпоручика Эмилия Федоровна *Достоевская*» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 24. 1 экс. 1849. 214. Ч. 3. Л. 10).

Спустя три недели Михаил Михайлович был признан невиновным и 24 июня освобожден. Те же следственные действия были осуществлены в отношении других арестантов.

В ночь на 2 августа был арестован поэт, по документам титулярный советник А. Н. Майков. В тот же день его бумаги были рассмотрены (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 24. 1 экс. 1849. Ед. хр. 214. Ч. 141. Л. 33), он был допрошен и освобожден с решением о возвращении изъятых бумаг, 8 августа бумаги были возвращены, о чем имеется его расписка министру народного просвещения С. С. Уварову: «*Секретно*. Милостивый государь Граф Сергей Семенович! Бумаги, присланные при отношении Генер.-адъютанта Набокова от 4 Августа за № 342, принадлежащие мне, я получил из III Отделения Собственной Его Величества Канцелярии 8 сего Августа <...> Получил Титулярный Советник Аполлон Майков» (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 24. 1 экс. 1849. Ед. хр. 214. Ч. 78. Л. 8).

Составление описей, передача относящихся к делу документов в Следственную комиссию, возвращение ненужных документов — рутинная работа в комиссиях: у многих арестантов были на руках служебные бумаги, личные и чужие юридические и финансовые документы.

Не относящиеся к делу книги и бумаги возвращались по требованию начальству, женам, родственникам, самим освобожденным арестантам.

Кроме розыска «книги» Валерьяна Майкова, 22 декабря 1849 г. Достоевский обратился к брату Михаилу с просьбой о получении отобранных после оглашения приговора книг, бумаг и вещей: «Теперь о распоряжениях материальных: книги (Библия осталась у меня) и несколько листов моей рукописи (чернового плана драмы и романа, и оконченная повесть: *Детская сказка*) у меня отобраны и достанутся, по всей вероятности, тебе. Мое пальто и старое платье тоже оставляю, если прийдешь взять их. Теперь, брат, предстоит мне, может быть, далекий путь по этапу. Нужны деньги. Брат милый, коль получишь это письмо, и если будет возможность достать сколько-нибудь денег, то пришли тотчас же. Деньги мне теперь нужнее воздуха, по особенному обстоятельству» (Достоевский, 2004: 112).

Именно в этот день его обрядили в казенную арестантскую одежду, отобрали последние деньги (51 коп. серебром), изъяли личные вещи, образовавшуюся в заточении библиотеку из 28 книг, о чем в управлении коменданта Петропавловской крепости была составлена опись (Летопись жизни и творчества ... , 1993: 177–178).

Когда у Достоевского возник небольшой архив, он сразу отразился в делопроизводстве.

Жандармы не арестовывали архив Достоевского: его просто не было на квартире, откуда писателя увезли в Третье отделение. Логично предположить, что вещи и бумаги он хранил в семье брата.

О том, что случилось сразу после ареста Достоевского, есть недвусмысленные свидетельства. А. П. Милюков вспоминал: «Двадцать третьего апреля 1849 года, возвращаясь домой с лекции, я застал у себя М. М. Достоевского, который давно ожидал меня» (Милюков, 1990: 265).

От него он узнал, что арестованы брат Федор, Петрашевский, Спешнев, по ошибке вместо него взят брат Андрей. Михаил был уверен, что «не сегодня, так завтра» арестуют и его.

Чтобы узнать, кто арестован еще, они уговорились порознь обойти знакомых, а вечером встретиться снова. Так, А. П. Милюков убедился, что взяты С. Ф. Дуров, Н. А. Момбелли, П. Н. Филиппов. В свою очередь М. М. Достоевский поведал, что арестованы многие из «общих знакомых». Сверив сведения, оба заключили, что «задержаны те только, кто бывал на сходках у Петрашевского» (там же: 266).

Среди тех, к кому 23 апреля утром в одиннадцать часов, еще до встречи с Милюковым, забежал «бледный и сильно растерявшийся Михаил Михайлович», был С. Д. Яновский. Он откровенно называл цель визита М. М. Достоевского: «В это время и произведено было сожжение бумаг и писем» (Яновский, 1990: 242).

Среди сожженных бумаг мемуарист называет правила ссудной кассы, которые написал Федор Михайлович, свою переписку с разными лицами: «Правила эти долго хранились у меня, но в период паники, охватившей нас всех по случаю неожиданных арестов, они вместе с другими бумагами, по существу столь же невинными, были истреблены в огне. Как и почему произошло это *auto da fe*, я скажу после, но здесь не могу не заявить, что вся драгоценная для меня переписка с Федором Михайловичем, а также письма ко мне его брата Михаила Михайловича и Аполлона Николаевича Майкова были брошены в нарочно затопленную печь собственными руками Михаила Михайловича Достоевского» (там же: 241).

Больше всего Яновский жалел о потере одного рассказа: «Изо всех записок, мною полученных от Федора Михайловича, в особенности интересна была одна, в которой он из Парголова уведомлял меня, проживавшего в Павловске, о том, что теперь ему

не до кондрашки, так как он сильно занят сбором денег по подписке в пользу одного несчастного пропойцы, который, не имея на что выпить, а потом напиться и, наконец, опохмелиться, ходит по дачам и предлагает себя посечься за деньги. Рассказ Федора Михайловича был верх совершенства в художественном отношении; в нем было столько гуманности, столько участия к бедному пропойце, что невольно слеза прошибала, но было не мало и того юмора и той преследующей зло беспощадности, которые были в таланте Федора Михайловича» (там же: 235).

С горечью он назвал эту акцию «роковым *auto da fe*» (там же: 235).

Судя по всему, в это утро Михаила Михайловича интересовали не те, кто арестован, а те, кого не арестовали: сожжены были все обнаруженные Михаилом Михайловичем документы, письма, рукописи не только Достоевского, но и его окружения.

Особо тщательной чистке он подверг домашний архив. Напомню, что через две недели из его квартиры увезли лишь несколько официальных документов: два патента, три метрических свидетельства, два акта на немецком языке, указ об отставке, два предписания.

После этой акции уцелело лишь то, что спрятал сам Михаил Михайлович, что он получил из Петропавловской крепости после отправки брата в Сибирь. Так, сохранилась часть переписки братьев, написанный в крепости рассказ «Детская сказка», опубликованный в августовском номере «Отечественных записок» за 1857 г. под другим названием («Маленький герой»).

Архив Достоевского не исчез в «недрах Третьего отделения».

Чтобы убедиться в этом, я более десяти лет пытался найти его следы в описях сохранившихся и уничтоженных дел, просмотрел сотни единиц хранения, десятки тысяч листов архивных документов Третьего отделения, Министерства внутренних дел, Военно-судной комиссии.

Архив сторел: его в панике сжег Михаил Михайлович Достоевский.

Ошибка агента оставила нас без рукописей и переписки писателя, без его «архива» 1840-х годов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бельчиков, Н. Ф. (1971) Достоевский в процессе петрашевцев. М. : Наука. 296 с.
- Волгин, И. А. (1996) Архивные материалы о Достоевском на территории России и стран СНГ. Новые документальные разыскания и находки (1957–1996). Краткий обзор // Достоевский в конце XX века. М. : Классика плюс. С. 189–250.
- Достоевский, Ф. М. (2003) Полн. собр. соч. : в 18 т. / под ред. В. Н. Захарова. М. : Воскресенье. Т. 2. 492 с.
- Достоевский, Ф. М. (2004) Полн. собр. соч. : в 18 т. / под ред. В. Н. Захарова. М. : Воскресенье. Т. 15. Кн. 1. 346 с.
- Дубельт, А. В. (2005) Записки для сведения, 1849 г. // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. : альманах : в 15 т. М. : Студия «ТРИТЭ»; Рос. Архив. Т. XIV. С. 146–248.
- Красовский, Ю. А. (1985) Архив Ф. М. Достоевского // Встречи с прошлым : сб. неопубликованных материалов ЦГАЛИ. М. : Советская Россия. Вып. 2. С. 299–306.
- Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского [1821–1881] (1993) : в 3 т. / под ред. Н. Ф. Будановой, Г. М. Фридендера. СПб. : Акад. проект. Т. 1. 544 с.
- Милюков, А. П. (1990) Федор Михайлович Достоевский // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников : в 2 т. М. : Художественная литература. Т. 1. С. 259–290.
- Описание рукописей Ф. М. Достоевского (1957) / под ред. В. С. Нечаевой. М. : Изд-во АН СССР. 588 с.

Чулков, Г. И. (1939) Как работал Достоевский. М. : Советский писатель. 340 с.

Яновский, С. Д. (1990) Воспоминания о Достоевском // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников : в 2 т. М. : Художественная литература. Т. 1. С. 230–251.

Дата поступления: 30.05.2014 г.

WHAT HAPPENED TO DOSTOYEVSKY'S ARCHIVE FROM THE 1840S?

V. N. ZAKHAROV

(PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY)

The corpus of manuscripts by F.M. Dostoevsky is known to have a number of gaps due to many reasons: the writer's arrest and sentence in the Petrashevsky trial (1849), his return from Siberia to Tver and then St. Petersburg (1859), four years of wandering across Europe and the subsequent return to Russia (1867–1871), and the later loss of manuscripts of "The Devils", "The Adolescent" and "The Brothers Karamazov" during the Russian Civil War (1918–1921).

The article looks at the circumstances of disappearance of Dostoevsky's manuscripts from the 1840s. It is commonly held that they were lost during his trial as a member of the Petrashevsky revolutionary circle. A critical analysis of documents and memoirs has helped us to refute this erroneous opinion.

At Dostoevsky's arrest, in his own words, "not much was found". Some of the Petrashevtsy had whole sacks and cartloads of books and papers confiscated. Dostoevsky lost only a small "bundle" of papers and books. The materials of the trial mention only three documents and two prohibited books as confiscated from Dostoevsky: Belinsky's note, a letter from Pleshcheyev, the writer's army discharge and some French books. Dostoevsky's archive was never removed to the Petropavlovskaya fortress.

What, then, happened to Dostoevsky's early dramas — "Maria Stuart", "Boris Godunov", "The Jew Yankel", — to his incomplete translations, drafts and final versions of his works both published and unpublished, to his correspondence with relatives, friends and fellow writers? A conclusive answer can be found in the memoirs by A.P. Milyukov and S.D. Yanovsky. The writer's brother Mikhail Dostoevsky burnt the 1840s archive in panic on April 23, 1849. He also destroyed his own papers and went round his friends and acquaintances to collect every document, letter or manuscripts by Fyodor or anyone from his milieu to commit it to the fire.

Keywords: F.M. Dostoevsky, M.V. Petrashevsky, revolutionary movement in Russia, conspiratorial society, investigation, Russian literature, manuscripts, Dostoevsky's archives.

REFERENCES

Bel'chikov, N. F. (1971) *Dostoevskii v protsesse petrashevtsev* [Dostoevsky in the Trial of the Petrashevtsy]. Moscow, Nauka Publ. 296 p. (In Russ.).

Volgin, I. L. (1996) *Arkhivnye materialy o Dostoevskom na territorii Rossii i stran SNG. Novye dokumental'nye razyskaniia i nakhodki (1957–1996). Kratkii obzor* [Dostoevsky in Archival Sources on the Territory of Russia and the CIS. Newly Found Documents and Discoveries (1957–1996). A Short Overview]. In: *Dostoevskii v kontse XX veka* [Dostoevsky at the End of the 20th Century]. Moscow, Klassika plius Publ. Pp. 189–250. (In Russ.).

Dostoevsky, F. M. (2003) *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works] : in 18 vols. / ed. by V. N. Zakharov. Moscow, Voskresen'e Publ. Vol. 2. 492 p. (In Russ.).

Dostoevsky, F. M. (2004) *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works] : in 18 vols. / ed. by V. N. Zakharov. Moscow, Voskresen'e Publ. Vol. 15, Book 1. 346 p. (In Russ.).

Dubel't, L. V. (2005) *Zapiski dlia svedeniia, 1849 g.* [Notes for Reference, 1849]. In: *Rossiiskii Arkhiv: Istoriia Otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.* [The Russian Archive: The History of Fatherland in Testimonies and Documents] : An Almanac : in 15 vols. Moscow, TRITE Studio, Rossiiskii Arkhiv. Vol. XIV. Pp. 146–248. (In Russ.).

Krasovskiy, Yu. A. (1976) Arkhiv F. M. Dostoevskogo [F.M. Dostoevsky's Archive]. In: *Vstrechi s proshlym* [Meetings with the Past] : A Collection of Unpublished Materials of the Central State Archive of Literature and Art]. Moscow, Sovetskaia Rossiia Publ. Vol. 2. Pp. 299–306. (In Russ.).

Letopis' zhizni i tvorchestva F. M. Dostoevskogo (1821–1881) [A Chronicle of F.M. Dostoevsky's Life and Work] (1993) : in 3 vols. / ed. by N. F. Budanova and G. M. Fridlender. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ. Vol. 1. 544 p. (In Russ.).

Milyukov, A. P. (1990) Fedor Mikhailovich Dostoevskii [Fyodor Mikhailovich Dostoevsky]. In: *F. M. Dostoevskii v vospominaniakh sovremennikov* [F. M. Dostoevsky as Remembered by His Contemporaries] : in 2 vols. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ. Vol. 1. Pp. 259–290. (In Russ.).

Opisanie rukopisei F. M. Dostoevskogo [A Description of the Manuscripts by F.M. Dostoevsky] (1957) / ed. by V. S. Nechaeva. Moscow, Publishing House of the Academy of the USSR. 588 p. (In Russ.).

Chulkov, G. I. (1939) *Kak rabotal Dostoevskii* [How Dostoevsky Worked]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ. 340 p. (In Russ.).

Yanovsky, S. D. (1990) Vospominaniia o Dostoevskom [Memories of Dostoevsky]. In: *F. M. Dostoevskii v vospominaniakh sovremennikov* [F. M. Dostoevsky as Remembered by His Contemporaries] : in 2 vols. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ. Vol. 1. Pp. 230–251. (In Russ.).

Submission date: 30.05.2014.

Захаров Владимир Николаевич — доктор филологических наук, профессор, президент Международного общества Ф. М. Достоевского, заведующий кафедрой русской литературы и журналистики Петрозаводского государственного университета. Адрес: 185910, Россия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33. Тел.: +7 (8142) 71-10-54. Эл. адрес: vnz01@yandex.ru

Zakharov Vladimir Nikolayevich, Doctor of Philology, Professor and Chair, Department of Russian Literature and Journalism, Petrozavodsk State University; President, International Dostoevsky Society. Postal address: 33 Lenin St., Petrozavodsk, Russian Federation, 185910. Tel.: +7 (8142) 71-10-54. E-mail: vnz01@yandex.ru